

Глава 1 ТАЙНЫЕ НАЧАЛА

ОТ КУЛЬТА К ОБРАЩЕНИЮ

*...здесь ученые, бережно срезав
сотый культурный слой,
неизменно находят следующий,
где устроил стойбище человек
у берега бездонного озера,
сберегаемого в девственной глубине.*

Шеймус Хини. «Болото»*

Во многих мифологиях боги появляются из первобытной ночи; но в Ирландии боги возникают не из темной пропасти мифа о творении, а из загадочных и фрагментарных археологических данных.

Древнейшие *письменные* данные о местных богах пришли к нам не из времен язычества, а из раннехристианской Ирландии: это ключевой факт, который следует подчеркнуть. Христианство не полностью отравило языческих богов на свалку истории, но последствия его появления оказались драматичными и на всех уровнях повлияли на ирландское общество. Языческий культ и ритуалы прекратились, и начался процесс, в результате которого несколько бывших божеств в конце концов обрели новую жизнь в качестве литературных персонажей. Христианство — религия, по сути, основанная на книге, — позволило широко распространить написание текстов латинским алфавитом. Некоторые

* Пер. А. Кистяковского. *Прим. перев.*

из них дошли до наших дней — с парадоксальным результатом: мы можем сказать хоть что-то по поводу «личностей» дохристианских богов Ирландии только благодаря обращению острова в христианство³.

В этой главе мы сфокусируемся на периоде с V века и до конца VII, но сам процесс христианизации уместается в более узкие исторические рамки. Христианская религия присутствовала в Ирландии по меньшей мере с начала V века — точно среди бриттских рабов и их потомков, хотя в тех областях острова, которые больше всего подвергались влиянию Римской Британии*, могли быть и общины обращенных в христианство ирландцев. Как известно, очень трудно указать конкретный момент, когда та или иная группа населения окончательно сменила одну религию на другую, но в течение VI века представители церкви становятся привилегированным слоем общества, начинают процветать монашество, образование на латинском языке и духовное образование. Таким образом, мы можем сказать, что к 600 году ирландское общество уже обратилось в христианство на уровне иерархии и учреждений⁴. Публичное почитание языческих богов людьми с высоким статусом прекратилось, возможно, где-то в середине — конце VI века, но отдельные, все более изолированные проявления нехристианской религии, видимо, отмечались до рубежа VIII века**. Только к этому времени друиды — маги-религиозные специалисты ирландского язычества — наконец перестают появляться в юридических текстах в качестве актуальной проблемы и, как можно считать,

* См. ниже, с. 43.

** *ESI*, 244; Чарльз-Эдвардс указывает, что святой Колумба, родившийся около 520 года, потомок королевской династии на дальнем северо-востоке, изображается обращающим в христианство пиктов, но никогда своих собратьев-ирландцев — видимо, потому, что к тому времени они в значительной степени уже были обращены. Джонстон (*L&IEMI*, 14) датирует момент, когда аристократические элиты ухватились за «возможности, предоставленные новой религией», второй половиной VI века.

исчезают из ирландского общества*. Стоит помнить и о том, что все эти признаки относятся к коллективу в целом: личные убеждения — как люди верили у себя дома и как чувствовали сердцем — безвозвратно для нас утрачены.

Проблемы с ирландской письменностью частично связаны с существованием огама — системы зарубок, которые первоначально использовались для надписей, наносившихся по краю камня; они почти всегда имеют форму «[памятник] X, сына / потомка Y...», и, судя по всему, так отмечали захоронения и/или границы. Исследования показали, что огам появился в непосредственно дохристианский период или в начале христианского, по крайней мере еще в IV веке, и что его разработал человек, знакомый не только с римским обычаем сооружать монументальные надписи на камне, но и (возможно) с латинской грамматической традицией: таким образом, этот алфавит не является наследием незапамятного кельтского прошлого. Возможно, им также писали на дереве или на коре, но сам по себе огам — алфавит довольно неудобный, и вряд ли когда-то на нем существовали длинные тексты. Тем не менее очевидно, что по крайней мере некоторые люди в дохристианском ирландском обществе могли писать на ирландском и на латыни в довольно раннюю эпоху.

Около 700 года — где-то через триста лет после того, как началась христианизация, — языческие божества стали появляться в яркой литературе, написанной на древнеирландском**.

* См. замечание Элвы Джонстон (*L&IEMI*, 114), что ирландская Церковь уже выиграла в «длительной борьбе с организованным и полуорганизованным язычеством» к началу VIII века.

** Чарльз-Эдвардс (*ECI*, 201) дает показательное сравнение с древнеанглийской поэмой «Беовульф», которая, как и большая часть раннесредневековой ирландской литературы, была написана в христианском и монашеском контексте и действие которой так же происходит в дохристианском прошлом. Но ирландские саги кишат бывшими языческими божествами, а в англосаксонской поэме существа вроде Тунора и Водена отсутствуют: как известно, «языческая вера» персонажей — это нечто вроде естественного монотеизма.

Сразу возникает два вопроса. Почему христиане вообще интересовались языческими богами? И как связаны между собой боги, которых некогда почитали ирландцы-язычники, и литературные божества, которыми были полны сочинения их потомков-христиан?⁵

АРХЕОЛОГИЯ И АНАЛОГИЯ

В руководствах по мифологии традиционно начинают с «семейного портрета» божеств, подробно описывая их взаимоотношения, силы и атрибуты⁶. Такого для богов Ирландии сделать нельзя. Можно заявить — хотя это и будет слишком сурово, — что нам вообще не следует говорить о дохристианских божествах Ирландии, потому что всё, что мы о них знаем, дошло до нас в сочинениях, созданных после обращения острова, и поэтому могло быть пропущено через христианскую призму восприятия. Весь дошедший до нас мифологический материал из Ирландии является продуктом благочестивой и интеллектуально утонченной христианской культуры, и важно помнить, что самые ранние упоминания ирландских богов в текстуальных свидетельствах никак не связаны с культом.

Можем ли мы добыть хоть какую-то информацию из внетекстуальных источников по поводу природы богов, почитавшихся древними ирландцами?⁷ Такая попытка возможна, но требует осторожного подхода и ограничения себя общими принципами. У нас для этого есть два инструмента: первый — археология и второй — предположения, которые мы можем сделать, основываясь на родственных сообществах кельтской Галлии и Британии.

По своему характеру археологические данные имеют лишь ограниченную ценность в восстановлении систем верований или мифологических историй, но, судя по всему, некоторые

группы ирландского населения ставили антропоморфные деревянные или каменные изображения, которые могли быть образами богов. Одно из них найдено в болоте Ралаган, графство Каван. Оно примерно метр длиной и сделано из круглого ствола тиса: в области гениталий у него просверлена дыра, где когда-то мог находиться вырезанный из дерева фаллос. Хотя в его впавших глазницах в чем-то предугадывается странный взгляд, обычно ассоциирующийся с характерным для железного века латенским декоративным стилем, фактически статуя датируется бронзовым веком — началом I тысячелетия до н. э.⁸ Многие ученые считают, что это было еще до появления в Ирландии кельтских языков в какой бы то ни было форме, так что у нас нет никакой гарантии, что здесь существует культурная преемственность с религиозными практиками, сложившимися более тысячи лет спустя*. Вместе с тем похожие скульптуры, более очевидно связанные с железным веком, иногда находят в Британии, и это заставляет предполагать, что они когда-то были широко распространены, — но точно мы этого не знаем⁹.

Похожие проблемы интерпретации связаны с каменной скульптурой, известной как «Идол из Тандраджи», — она также датируется примерно 1000 годом до н. э. Фигура, одетая в шлем и хватающая себя за левую руку (что это — боль или приветствие?), может изображать воина-человека или какое-то местное божество. Предполагалось, что скульптура из Тандраджи изображает Нуаду Аргетлама («с серебряной рукой»),

* Весь вопрос о появлении какой-то формы кельтского языка в Ирландии исключительно сложен: мы не знаем ни когда это произошло, ни кто принес его с собой (если не считать того факта, что переселенцев должно было быть достаточно много), ни с какой степенью насильственности (или без нее) этот язык распространялся. Могли быть распространены сразу несколько кельтских языков (возможно, в течение нескольких веков) перед тем, как господствовать стал язык — предок ирландского. Краткая дискуссия со ссылками — в Т. М. Charles-Edwards, 'Introduction: Prehistoric and Early Ireland', *NHI* i., lxvi–lxix.



Идол из Тандраджи, резное каменное изображение около 1000 года до н. э.
Фото воспроизводится с разрешения декана и капитула собора Святого Патрика
(Церковь Ирландии) в Арма

литературного персонажа, который потерял руку в сражении, и ее временно заменили металлической¹⁰; это пример соблазнительного желания объяснить археологические объекты с помощью гораздо более поздней литературы и тем самым найти утешительную с политической точки зрения преемственность в ирландском прошлом. Эллен Этлингер, в 1961 году предложившая эту версию, была убеждена, что скульптор изобразил левую руку как «явно искусственную», но такие различия, конечно, — в глазах смотрящего¹¹. Кроме того, поскольку история о серебряном протезе Нуаду впервые засвидетельствована в саге, составленной примерно два тысячелетия спустя после создания

скульптуры из Тандраджи, любая связь между ними в лучшем случае остается лишь вероятностью, а сама фигура — загадкой.

Есть также намеки на то, что реки, болота и озера были важны для религиозных верований язычников-ирландцев, хотя артефакты железного века встречаются в Ирландии гораздо реже, чем в отдельных областях Британии, почему — неизвестно; ирландская археология железного века вообще штука загадочная¹². Тем не менее Ирландия может похвастаться одной из самых впечатляющих таких находок — кладом из Бройтера, открытым в 1896 году; он покоился в тяжелой пахотной земле близ Лох-Фойла в графстве Дерри. Первоначально клад был захоронен вблизи восточного края озера, но за несколько тысячелетий береговая линия изменилась. Находка включает в себя не только самый впечатляющий торквес, когда-либо найденный в Ирландии, но и миниатюрную золотую лодочку с крошечными веслами¹³. Эти предметы были сделаны (и, видимо, погребены) в I веке до н. э. Подобные клады предполагают, что в то время существовала вера в сверхъестественных существ, связанных с водой, и следует подчеркнуть: только это и можно с уверенностью утверждать. Снова пытаюсь найти в более поздней литературе объяснение для этой археологической находки, ученые долго рассуждали о том, что клад мог быть ритуальным приношением морскому богу Мананнану, поскольку древнеирландские тексты связывают Лох-Фойл с историями о потопе и встрече бога с отрядом моряков*. Конечно, мы не хотим сказать, что параллели, которые проводятся между средневековыми письменными текстами и археологией, обязательно ошибочны, просто их следует считать лишь предварительными, ведь, к сожалению, строить такие воздушные замки очень легко.

* Главным персонажем, встречавшимся с Мананнаном, считается Бран, сын Фебала: от «Фебал» происходит англизированное название «Фойл». Об этой истории см. ниже, с. 99–100. О Бройтерском кладе и позднейшей литературе см. Carey, *I&G*, 355–358, и S. Mac Mathúna, *CCHÉ*, v., 1750–1752.

Поскольку оказалось, что археологические данные можно интерпретировать очень по-разному, их следует использовать, только чтобы выделить наиболее важные аспекты того, как ирландцы до появления христианства смотрели на своих божеств. Коротко говоря, их, вероятно, было много и они были связаны с определенными местами, народами и с природным миром*. Их считали достойными почитания, и, как мы уже видели, — художественного изображения; некоторые из них, наверное, были связаны с водой, хотя непонятно, считалось ли, что они живут в воде, под водой или проходят через нее. Их можно было умиловить, и, похоже, люди воображали, что боги могут как-то использовать эти дары, в том числе жертвоприношения животных. Кое-что в этой картине можно дополнить, если сравнивать с Галлией и Британией, но следует сделать еще одну финальную оговорку про археологические данные перед тем, как мы пойдем дальше: археология говорит нам, что века перед христианизацией известны как период экономического спада, упадка сельского хозяйства и (что очень вероятно) в какой-то степени политического кризиса**. Поэтому возможно, что религиозные ценности и верования позднего железного века отражали все

* Отметим весьма значимое ирландское слово *bile*, «священное дерево», и (что еще более поразительно) *defhid*, очевидно, «бог-дерево» (*día + fid*), что иногда используется для обозначения дерева, которое особо почитается жителями определенной местности. Последнее, однако, может использоваться как синоним для термина *fidnemed*, что, видимо, означает дерево, растущее на церковной земле, так что насколько этот концепт «языческий», непонятно. См. обсуждение этого вопроса в *Bechbretha: an Old Irish Law-Tract on Bee-Keeping*, ed. & trans. T. Charles-Edwards & F. Kelly (Dublin, 1983), 108–109.

** Отметим, что Эдель Вретнах утверждает противоположное, предполагая «относительную стабильность на острове» в своей книге *Ireland and Medieval Europe*, 41. Накануне обращения, видимо, происходила экономическая экспансия, которая поддерживалась разбойными набегами и торговлей с Римской Британией, см. *ECI*, 149–163. См. также T. Charles-Edwards, 'Nations and kingdoms', в *After Rome* (Oxford, 2003), 25, о свидетельствах того, что какая-то могущественная власть (хотя и не распространявшаяся на всю Ирландию) возникла среди отдельных ирландских племен в середине IV века.

эти волнения и, скорее всего, были достаточно изменчивыми, не дойдя до нас в том виде, в котором они существовали в незапамятном кельтском прошлом.

Если мы от ирландской археологии обратимся к кельтской Галлии и Британии, то у нас появляются письменные данные, в основном в форме надписей, хотя также есть и важные римские описания галльских религиозных обычаев. Опять-таки полезные параллели между религиозными культурами этих обществ и ирландским можно извлечь, только если мы будем придерживаться самых общих моментов. Судя по всему, были три общие черты. Первая: потоки воды постоянно почитались как божества — обычно как богини, хотя существовало и несколько речных богов¹⁴. Вторая: беспорядочная масса местных вариаций, где зафиксировано огромное количество названных по имени божеств, хотя большинство из них явно попадает в ограниченное число пересекающихся функциональных типов, например воин, торговец, охотник и целитель¹⁵. Третья: ни Галлия, ни Британия не дают нам данных о местном пантеоне в греко-римском смысле этого слова, и это определенно связано с местными особенностями, о которых мы только что упоминали. Последний момент выглядит довольно загадочно, поскольку следует признать, что древнеирландская литература, как мы увидим, — *действительно* рассказывает о чем-то вроде семьи сверхъестественных существ, несколько похожей на пантеон. Божество по имени Дагда, что буквально значит «добрый бог», образует связующее ядро этой системы, подобно римскому Юпитеру; как и у Юпитера, у Дагды множество детей, и его мужские особенности откровенно демонстрируются в текстах¹⁶.

Есть несколько способов объяснить это несоответствие. По одной из версий, дохристианская Ирландия могла независимо развить свой пантеон, в то время как галлы и бритты этого не сделали, что кажется маловероятным. Ирландия была и оставалась после христианизации децентрализованным, сельским

и политически фрагментированным обществом с редким населением, при этом не слишком мобильным: в такой ситуации вряд ли могла бы сложиться общенациональная «семья» богов.

Более убедительна вторая версия — что те члены общества, которые *могли* быть мобильными, как раз и мыслили в терминах какого-то базового пантеона. Подразумеваются люди, которые жили за счет профессиональных умений (известные как *áes dána*, «люди искусства/таланта»), и особенно друиды — религиозная элита острова. Может быть, именно это отражается спустя много поколений в более поздней литературе, которая удивительным образом выделяет фигуры, ассоциировавшиеся с мастерством. Люди, привязанные к земле, скорее бы больше внимания уделяли местным божествам плодородия*. Вполне возможно, что подобная ситуация была и в Галлии, и это объясняет резкий контраст между знаменитым описанием микропантеона пяти галльских богов у Юлия Цезаря (он называет их римскими именами — Меркурий, Марс, Юпитер, Аполлон и Минерва) и четкими эпиграфическими свидетельствами того, что галльских божеств были сотни¹⁷. Мы знаем, что Юлий Цезарь беседовал с друидом и что ему действительно было очень нужно понять, как ведут себя могущественные люди в галльском обществе: его рассказ о богах Галлии может отражать только верования образованной, мобильной элиты¹⁸.

Третья версия предполагает, что вся концепция божественной семьи под руководством бога-отца могла быть принята

* Возможность такого сценария подчеркивается тем, что несколькими веками позже (но в не менее децентрализованном обществе) элита поддерживала сложный, высокого стиля язык — древнеирландский, причем у нас нет практически никаких данных о диалектах. Язык людей, стоявших ниже по социальному статусу, должен был обладать региональными вариантами, которые, возможно, были довольно существенными. Об этом аспекте древнеирландского см. P. Russell, “What was best of every language”: the early history of the Irish language, *NHI* i, 405–450, с. 442–443.

ирландцами в результате контактов с римской культурой, хотя это могло случиться на двух разных стадиях — до христианизации и после. Дохристианская Ирландия была подвержена значительному влиянию Римской Британии, и идея пантеона могла прижиться в подражание культуре соседнего острова, как и обычай поминать умерших надписями на камне¹⁹. Либо же концепция пантеона никогда и ни на какой стадии не была частью ирландского язычества. Скорее, ее могли внедрить уже после того, как остров стал христианским и ученые классы ирландского общества познакомились с латинской литературой (не в последнюю очередь с барочным мифологическим эпосом Вергилия «Энеидой»). Все эти варианты возможны, но при нынешнем состоянии наших знаний вряд ли удастся понять, что же наиболее вероятно²⁰.



Аллегория открытия Gallii Римской империей. Галльский друид молотом разбивает оковы, опоясывающие глобус со словом «Галлия», ему помогают римские солдаты

«ПОЧИТАЛИ НЕЧИСТОЕ...»

Мы знаем одного человека, который непосредственно имел дело с языческой Ирландией, — святого Патрика. К нашему большому сожалению, в дошедших до нас сочинениях Патрик практически ничего не говорит о нехристианских религиозных поверьях и практиках, которые он должен был видеть собственными глазами²¹.

Многое в жизни и миссии Патрика прояснилось благодаря двум поколениям блистательных историков, хотя остается и много туманного²². Однако прекрасно известно, что Патрик *не* был ирландцем. В своих работах он рассказывал, что был бриттом и родился в семье священника, принадлежавшей к местной аристократии в романо-бриттской *civitas*²³. Еще подростком был похищен и обращен в рабство на дальнем западе Ирландии; через шесть лет ему удалось сбежать. Позднее он был рукоположен и затем посвящен в епископы; благодаря видению Патрик



Церковь Святого Патрика в Таре

почувствовал себя обязанным вернуться и проповедовать христианство на острове, где он жил в рабстве, и помочь страдающим там христианам, — хотя мы знаем, что он не был первым миссионером Ирландии и даже не был первым епископом. Ученые согласны в том, что миссия Патрика должна датироваться V веком, возможно, второй его половиной, — хотя есть много различных мнений по поводу того, где, когда, как и почему.

Сочинения Патрика — незаменимый источник по «времени перемен» периода христианизации, который начался, когда языческие культы процветали. Бриттские рабы, находившиеся на дне общества, составляли, возможно, большинство христиан в Ирландии — таким рабом был и сам Патрик, — хотя, конечно, могли уже существовать оседлые общины обращенных в христианство ирландцев в «большом Лейнстере», восточном и юго-восточном регионе Ирландии, области, которая сильнее всего была подвержена влиянию культуры Римской Британии^{*}. Из двух дошедших до нас сочинений Патрика самое важное для наших целей — это «Исповедь», которая фактически является мощной — и очень трудной для понимания — духовной автобиографией, написанной на латинском языке^{**}. Из нее следует, что социальная топография Ирландии походила на «лоскутное одеяло» из различных королевств с разной плотностью населения. Существовало около сотни таких *túatha* (единственное число *túath*)²⁴. Патрик отмечает присутствие среди ирландцев

^{*} См. *ECI*, 182 и *W&TB*, 182–183. Рабы в Древней Ирландии, как и в других местах, должны были заниматься тяжелым физическим трудом под постоянной угрозой насилия и сексуальной эксплуатации. Сочинения Патрика замечательны тем, что это единственный рассказ о рабстве из первых рук, который дошел до нас из Античности. О том, что в Риме знали о наличии в Ирландии христиан, и о соображениях, которые стояли за решением послать к ним епископа, см. *Bhreathnach, Ireland in the Medieval World*, 158.

^{**} Помимо всего прочего, этот необыкновенный текст является еще и оправданием поведения Патрика в качестве миссионера в контексте споров, которые для нас неясны, но, очевидно, были знакомы его предполагаемой аудитории среди бриттов, см. *ECI*, 214–233, особенно 218–219.

idola et immunda — «идолов и нечистых (вещей)»²⁵. Жаклин Борше заметила, что хотя базовое значение *idolum* на латинском — это «изображение», есть и другие значения, в том числе «явление» и тому подобное; поскольку определенная категория сверхъестественных существ в более поздней литературе обозначается ирландским словом *scál* («фантом», «призрак»), она предположила, что *idola* у Патрика обозначает именно такой класс существ²⁶. Это, конечно, остроумное предположение, но смысл мог быть гораздо прозаичнее. *Immunda*, в частности, предполагает какие-то *вещи*, и весьма соблазнительно представить себе «идолов и нечистое» в виде вырезанных из камня фигурок, похожих на фигуру из Ралагана, вместе со всеми принадлежностями, присущими культуре.

Вполне возможно представить себе, что под *immunda* Патрик имеет в виду жертвоприношение. Вопрос, могут ли христиане есть мясо животных, принесенных в жертву идолам, очень волновал людей в раннехристианской церкви (см. Деяния 15:29, где оно запрещено). Апостол Павел считал, что есть такое мясо само по себе можно, но не в том случае, если это может поколебать более слабого в вере собрата-христианина (Первое послание к Коринфянам, 8:4–13). Поскольку Патрик был окружен людьми, недавно обращенными в христианство, беспокойство по этому поводу у Павла могло быть актуальным и для него.

После Патрика никто в текстуальных свидетельствах не называет имен языческих богов и не намекает на них вплоть до конца VII века*. Чтобы заполнить этот пробел в данных по поводу судь-

* Мы не хотим сказать, что существует какой-то полный пробел в текстах между концом V и концом VII века: до нас дошел очень сложный и значимый корпус текстов, которые проливают свет на развитие монашества и кодификацию церковного и светского права; многое из этого чрезвычайно трудно понять неспециалисту. Однако про местных богов в этих текстах ничего нет.

бы богов, почитавшихся ирландцами в период смены религии, мы должны опять-таки посмотреть на параллели с похожими обществами²⁷. Эти параллели заставляют предполагать, что обычаи приносить в жертву животных и делать приношения богам — универсальные среди дохристианских народов Европы — были постепенно оставлены или запрещены. Утрата этих ритуалов неизбежно должна привести к тому, что некогда важные божества оказываются забыты — возможно, быстрее, чем мы могли бы ожидать, принимая во внимание очень низкую продолжительность жизни людей в то время*. Места, где проводили ритуалы, были закрыты и заброшены. Эдель Вретнах предполагает, что колодцы и источники, ранее связанные с языческими божествами, широко использовались миссионерами как места крещения, где воду выливали на голову новообращенного, и таким образом источники воды освящались с помощью обрядов новой религии²⁸. На социальном уровне мощь церквей и монашеских центров должна была отражаться в повысившемся социальном статусе клириков, тогда как языческие религиозные активисты свой авторитет теряли. В Ирландии, видимо, это касалось класса друидов, и есть убедительные данные из юридических трактатов и пенитенциалиев об этом процессе понижения по социальной лестнице, в том числе правила VII века о том, что друиды не должны больше получать привилегии, свойственные членам высокостатусных профессий²⁹.

Хорошее введение в эти проблемы — С. Etchingham, *Church organisation in Ireland, A.D. 650 to 1000* (Maynooth, 1999), наряду с незаменимой работой Д. О. Кроина *Early Medieval Ireland, 400–1200* (London & New York, 1995).

* Наблюдения, касающиеся чуть более позднего периода, VII века, см. в С. Doherty, 'Kingship in Early Ireland', *K<*, 7–10. Догерти указывает на сохранявшееся среди клириков желание христианизировать ландшафт, и это предполагает, что символическое обращение ландшафта — «переопределение физического мира» — происходило из христианизации общества и разрушения языческих культов и следовало за ними.

Если можно в какой-то мере опираться на англосаксонскую Англию, то после того, как правители определенной группы населения обращались в христианство, публичное почитание языческих богов, видимо, исчезало через сорок-пятьдесят лет после недолгого периода, когда христианство и язычество сосуществовали³⁰. В Ирландии этот сценарий, возможно, повторялся много раз в различных социальных группах. Как указывает Элва Джонстон, политическая пестрота острова означала, что обращение не проходило легко и гладко и не было «просто процессом убеждения какой-то одной важной династии или правителя»³¹. Она удачно описывает христианизацию Ирландии как «одновременно быструю и медленную»: быструю, потому что, как только люди начали менять свою религию, этот процесс шел относительно быстро, но медленную — поскольку было столько народов, которые надо обратить.

Бéда Достопочтенный приводит рассказ (к которому тоже есть вопросы) о христианизации англосаксонской Англии, но для Ирландии эквивалента ему нет. Действительно, из писаний Патрика ясно, что он совершенно не был заинтересован в том, чтобы последовательно описывать процесс обращения. Мы не знаем, например, какие *túatha* обратились первыми, какие плелись позади, и не знаем, как этот процесс был связан с распространением грамотности и латинского алфавита. Если были какие-то откаты назад, про них тоже ничего не сказано. Тем не менее древнейшие ирландские жития святых, самые ранние из которых относятся к VII веку, ясно показывают, что — как и везде в Европе — языческих божеств иногда называли злыми духами³². Дошедшие до нас крещальные формулы из англосаксонской Англии подразумевают отказ от языческих богов как от демонов, и, поскольку ирландские миссионеры играли важную роль в обращении англосаксонских королевств, есть большое искушение считать, что подобные формулы также сыграли свою роль в процессе обращения Ирландии.



[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

